

УДК 165.0

УТОПИЯ И ЭСХАТОЛОГИЯ: ДВА ТИПА ФИЛОСОФСКОГО ПРЕДВИДЕНИЯ

Д.А. Шелудченко

Томский политехнический университет

E-mail: darina_fomina@mail.ru

Утопия и эсхатология рассматриваются как первичные, образные формы философского познания, на основании которых осуществляется рефлексия относительно наличного бытия и его возможных трансформаций в будущем.

Ключевые слова:

Утопия, эсхатология, философское предвидение, прогнозирование.

Key words:

Utopia, eschatology, philosophical prevision, prognostication.

В ситуации постмодернистской культуры, когда пересмотрены старые основания классической науки и выявлена ограниченность подхода к человеку как существу исключительно рациональному, внимание к альтернативным формам знания становится весьма актуальным. Открытие многообразного духовного мира человека дает основание для осмысления тех продуктов человеческого духа, которые в рамки классической науки не укладывались.

Также стоит отметить тот факт, что современное российское общество испытывает определенный ментальный кризис, выход из которого возможен через пересмотр старых оснований культуры и расширение интереса к исследованию всех пластов человеческого сознания, в том числе и такой его способности, как оперирование идеальными конструкциями. Поэтому феномены утопизма и эсхатологизма как типов сознания, как способов отношения к действительности, с целью воздействия на нее, привлекают все больший интерес.

Конечно, в XXI в. после подведения итогов века минувшего разочарование в утопиях достигло своей глубины. Утопию очень часто связывают с идеологией, угрозой для свободы человека, с закабалением личности, манипулированием ее сознанием. Что касается эсхатологии, то здесь, наоборот, наблюдается всплеск апокалипсических ожиданий, но все они в основном преобладают в сектантских учениях, последователи которых не занимаются серьезной философской рефлексией, но строят свои выводы на мистических интуициях. Поэтому сейчас становится чрезвычайно важным обратиться к этим феноменам, понять их суть и то значение, которое они играют в нашей действительности.

Философское осмысление мира является одним из важнейших принципов развития человеческого общества. В стремлении философии осмыслить основания культуры заключена не только и не столько установка на познание человеческого мира во всей его совокупности, но и желание выйти за границы действующих универсалий наличной действительности, сконструировать образ мира, каким он должен быть. То есть, философская рефлексия

всегда критична по отношению к действующей культуре, направлена на поиск иных оснований, ведущих к смене культурных паттернов.

В данной связи можно говорить о том, что философия выполняет еще одну функцию, связанную с предвидением, она может прогнозировать возможные изменения в культуре. Опираясь на знание действительных процессов, происходящих в культуре, философия может предлагать человечеству возможные варианты его будущего. Это возможно благодаря постоянной работе философов над осмыслением существующих реалий, в результате чего обеспечивается новое видение различных объектов, находящихся под наблюдением. В результате работы философской мысли мир осознается как динамический процесс, постоянно развивающийся, потенциально содержащий несколько вариантов развития и требующий непрерывного осмысления. В связи с этим значимость философии невозможно переоценить. Именно она, находясь в мейнстриме событий, призвана выявлять непрекращающиеся изменения в реалиях культуры и предлагать концепции оптимального развития общества. Все это она может делать благодаря функции предвидения.

Предвидение — необходимый элемент человеческой практики, оно связано со способностью человека к целенаправленной, практической деятельности и проявляется в качестве поисковой активности субъекта, выбора моделей продуктивного поведения и опережающего отражения действительности. Предвидение всегда опирается на относительно достоверное знание прошлого и настоящего, из чего конструируются условия и предпосылки для познания будущего.

Специфику предвидения хорошо выразил К. Поппер. Согласно его концепции, предвидение существует до всякого актуального опыта. Философ ввел понятие «горизонт ожидания». «Под этим термином, — пишет он, — я понимаю совокупность всех наших ожиданий — как бессознательных, так и сознательных и даже, возможно, явно высказанных на каком-то языке» [1. С. 323], например, утопическом или эсхатологическом. «Горизонт ожидания» — это все наши чаяния, предположения, прог-

нозы, которые существуют до непосредственного их наблюдения. Как только наблюдения не оправдываются, «горизонт ожидания» наполняется новыми представлениями о будущем. Появляясь в какой-то критический период истории, утопия и эсхатология показывают нам смену ожиданий, создают новые и, следовательно, представляют собой реакцию на не оправдавшие себя надежды.

Таким образом, предвидение, являясь доопытной формой знания, представляет собою фундаментальное основание законов и теорий. Науку «никогда нельзя назвать свободной от предположений, ибо в любой момент она предполагает некоторый горизонт ожиданий – так сказать, вчерашний горизонт ожиданий. Сегодняшняя наука строится на вчерашней науке, так что она есть порождение вчерашнего прожектора...» [1. С. 324]. То есть «горизонт ожиданий», включающий в себя предвидение, является важнейшим двигателем науки, способствует расширению нашего знания о мире. При этом все наше знание носит гипотетический характер, т. к. нет абсолютно идентичных явлений и каждый новый случай требует своей интерпретации. Познавательная стратегия, по К. Попперу, строится на движении от одного предположения к другому через обнаружение его ложности.

К. Поппер не отрицает значение истины, он представляет ее в качестве идеала и цели. Благодаря наличию такого идеала человек всегда критически относится к тому, что имеет в качестве знания на данный момент и пытается через опровержение старой картины мира найти новую, более адекватную и приемлемую, поэтому философ считает, что человек сам налагает законы в мире, но не имеет их в своем сознании априори.

Осмысление философией наличной действительности и построение программ будущего развития связано со спецификой философии как опережающего знания. Выявлять противоречия в мире и способствовать его гармонизации – вот одна из главных целей философии.

Наиболее активна роль таких программ в моменты социальных кризисов, когда наиболее остро высвечиваются проблемы, противоречивые моменты действительности, требующие рефлексии и своего разрешения. Начинается процесс переосмысления культурных универсалий, прежние идеалы, организовавшие жизнь людей, начинают критически переоцениваться в соответствии с новыми потребностями времени. В деятельности по выработке новых оснований жизни, новых ценностей и смыслов философия занимает важное место. Именно она осуществляет рефлексию над основаниями культуры и служит реальным потребностям «в поиске новых мировоззренческих ориентаций, в выработке и обосновании новых, предельно общих программ человеческой жизнедеятельности» [2. С. 223].

Говоря о философии, автор статьи имеет в виду не только конкретное направление в структуре культуры, но в целом философию как тип мышления, который может содержаться в любых формах

духовной деятельности человека. Типом философского осмысления мира, например, являются утопические и эсхатологические проекты, представленные в рамках литературы, искусства, религии. Это связано с тем, что в основе философского типа мышления лежат метафорический и символический способы познания мира, они предшествуют рациональным философским категориям.

Это связано с самой спецификой нашего существования, чрезвычайного сложного, многоаспектного феномена, суть которого невозможно уловить, не прибегнув к высшей степени обобщения. Поскольку литературе тоже свойственен символический характер, можно сказать, что, например, художественные произведения Ф.М. Достоевского обладают не меньшей философской ценностью, чем произведения великих философов. То же можно сказать про утопические и эсхатологические проекты. Создаваемые в различных сферах духовного освоения мира (литература, искусство, философия), они показывают нам преимущественно критический взгляд на действительность, рожденный философской жадой понимания бытия и на этой основе являются формой прогнозирования дальнейшего развития человечества и предлагают варианты преобразования нашего бытия в лучший из миров. Утопия и эсхатология есть формы осуществления философской рефлексии над культурными основаниями действительности, над ее проблемными точками.

Так, например, специфика утопии как философского предвидения связана с самим фактом ее зарождения, соотносящимся с периодом античной классики, когда человек сделал первую попытку заглянуть в себя, дистанцировать себя от мира, с целью познать его и сделать пригодным для жизни. Это было время появления научной рациональности, которая предполагает наличие интеллекта и прагматики человеческой деятельности, отвечающих способности человека ставить и достигать цели. Утопия и выступает своего рода продуктом целеполагания, являющегося показателем совершения осмысленных поступков, направленных на улучшение наличной действительности.

Умение ставить цели, присущее только человеку, говорит о его способности к изменению наличной действительности в собственных интересах. Именно это обусловило прогресс человеческой цивилизации и культуры. Осознание человеком своей потенции к трансформированию реальности предполагает, что в процессе целеполагания он осуществит предварительное идеальное конструирование, предвосхищающее будущий результат деятельности. То есть изначально необходимо в мысленных категориях осуществить задуманное, обосновать средства его достижения, чтобы в дальнейшем постараться воплотить на практике.

Каким образом сознание человека продуцирует утопические проекты? Ответ на этот вопрос можно попытаться дать в терминах экзистенциализма. По мнению его представителей, человек в этом мире

всегда одинок, осознав, что мир враждебен по отношению к нему, человек пытается примириться с миром, найти такие формы существования, которые бы были комфортны для него. Примером может служить высказывание английского исследователя утопии М. Ласки, который отмечал, что утопии есть продукт отчаяния и одновременно надежды, поэтому он называл их моделями «стабильности, рожденными в атмосфере противоречий» [3. С. 174]. Таким образом, утопия, находясь в поиске лучшего мира, по сравнению с существующим, выполняет свойственную философии функцию критической оценки реальности и выступает как способ конструирования альтернативной точки зрения, с помощью которой формируется образ будущего. Важно то, что утописты, выражая протест, не останавливаются на нем, но предлагают альтернативную модель истории, что является одной из характерных особенностей человеческого сознания, стремящегося к лучшему бытию. Эта специфика сознания очень важна в связи с тем, что именно благодаря такому стремлению человека к лучшему человечество прошло огромный путь от дикости к цивилизации.

Утопия, таким образом, обеспечивает возможность разнообразных путей развития общества, способствует существованию диалога, ведущего к удовлетворению интересов большего числа людей. В таком ключе вопрос о существовании утопии перетекает в вопрос о ее значимости. Значение утопии трудно переоценить, она ведет к формированию возможности иной истории и является способом высвобождения творческого потенциала человека. Также роль утопии заключается в стимулировании рефлексивной деятельности человека, направленной на попытку критического осмысления себя и окружающего мира.

С этим связан и запрет на любое социальное творчество, например, в эпоху сталинизма, времени осуществленной утопии. Для тоталитарных режимов характерно преобладание консервативной функции утопии, которая связана с увековечиванием существующего строя и которая служит интересам правящего класса. По выражению Э.Я. Баталова [4], этот подход исключает «рискованный» поиск социально-политической альтернативы.

Но в современной культуре существует негативное, ироническое отношение к утопии. Оно вызвано обилием не оправдавших себя утопических проектов в XX в. Сейчас люди бегут от утопий, стараются не допускать их в своей жизни. Страх перед утопией вызван еще одной ее особенностью, связанной с давлением, которое она оказывает на жизнь всех людей. Специфика социальной утопии заключается в том, что в своем стремлении к идеальному будущему она имеет только какой-то один рецепт для его воплощения, оказывающийся неприемлемым для большинства людей. Утопия тиранична, она требует тотальных преобразований, которые возможны только через полное регламентирование всех сфер деятельности, через унифици-

рование частной жизни людей по определенному шаблону. Не зря Н.А Бердяев говорил о том, что утопии тем и страшны, что они сбываются, они «оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления» [5. С. 614]. Опасность утопии не в том, что она существует, а в том, что она может осуществиться.

Здесь необходимо коснуться этимологии слова «утопия», в результате чего становится понятна ее сложность, заключающаяся в ее двусмысленности. Она, с одной стороны, может обозначать «совершенное место», а, с другой стороны, если обратиться к значению приставки «у», в древнегреческом языке являющейся отрицательной, то вырисовывается совершенно противоположный смысл, утопия становится местом, которого нет. «Именно между этими полюсами – совершенства и отсутствия, идеала и несуществования – и возникает воображаемая география утопии» [6. С. 208].

Из всего этого можно сделать вывод о том, что утопия изначально необходима нам для того, чтобы заставить мыслить. Она приглашает нас критически поразмышлять о современной нам действительности, выявить неудовлетворяющие нас моменты жизни, составить образ желаемого будущего и сподвигнуть человека к действиям. И именно здесь нужно быть наиболее внимательным, чтобы не увлечься до того, чтобы начать считать такой образ будущего единственно верным. Утопия должна стимулировать нас к реализации лучшего, по сравнению с настоящей реальностью, будущего, но не должна в этих целях узурпировать и регламентировать жизнь всех людей по какому-то одному образцу, иными словами, она не должна осуществиться.

В действительности утопия несовершенна не сама по себе, а потому что творится с людьми. Человек склонен к преувеличениям, ему свойственен субъективизм. Будущее человечества не должно быть зависимо от нескольких людей, охваченных страстью преобразований и преследующих свои интересы, что, к сожалению, и показал нам XX в. И именно потому, что все люди не идеальные, обладают разными потребностями и желаниями, утопия не имеет права на осуществление, ибо в ней цель оправдывает все средства, что не предполагает гуманного отношения ко всем людям без исключения. Но утопия должна существовать как форма саморефлексии, предостережения и предвидения.

Она являет нам относительность существующего порядка вещей, дает возможность увидеть мир в перспективе, как развивающийся феномен, открытый для всего нового. Утопия воплощает в себе так необходимый людям «принцип надежды», а также позволяет человеческому сознанию мыслить «через границы возможного», осуществляя постепенное творческое пересоздание жизни. Английский историк общественной мысли И. Берлин справедливо отмечал, что с этой точки зрения «утопии имеют... ценность – ничто так замечательно не рас-

ширяет воображаемые горизонты человеческих возможностей» [7. С. 58].

Эсхатология, так же как и утопия, является древнейшей формой критического осмысления человеком окружающей его реальности, что толкает его к размышлениям о будущем. Различие же состоит в мировоззренческих установках, приводящих утопию к постановке вопроса о будущем вечном прогрессивном развитии общества, а эсхатологию (от греческого *eshatos* – «последний») – к проблеме о конечных судьбах человека и человечества.

Корни эсхатологического восприятия истории уходят далеко в глубь веков и присутствуют в любой культуре. Человек в отличие от животного знает о том, что он смертен, и это всегда заставляло его задумываться о целях и результатах своей жизни. Русский философ, богослов С.Н. Булгаков отмечал: «Дитя двух миров, человек может забыть о своем происхождении и утратить живое чувство связи с иным миром, лишиться переживания запредельного наряду с переживанием имманентного, но он не может не знать о предстоящем ему уходе из этого мира» [8. С. 390]. Знание о смерти приводит человека к постановке проблемы смысла жизни, заставляет задуматься о том, что ждет его после смерти, и это является важнейшим критерием морально-нравственного развития общества.

Эсхатологическая проблематика может быть как чисто религиозной, так и философской. Интересованность философии конечными аспектами бытия не удивительна. Философское знание претендует на целостное представление о человеке и мире, в котором тот живет, поэтому эсхатология является одной из самых приоритетных сфер философского познания, так как направлена на поиск смысла существования человека и мира. В целом можно сказать, что эсхатология в философии представляется нам как рефлексия о конце и целях истории. Но размышление о конце времен всегда тесно связано с улавливанием тревожных сигналов современности, для чего требуется насыщенная умственная работа, философское осмысление наличного бытия, анализирование процессов которого может привести к предвидению будущих тенденций развития общества.

Философские учения, включающие в себя эсхатологические мотивы, анализируют тот материал, который дает им религия. При этом они пытаются осмыслить верования традиционной эсхатологии в соответствии с основополагающими антропологическими, метафизическими и историософскими концепциями. В методологическом плане включенность эсхатологии в философский дискурс также не вызывает вопросов. Для стандартной философской концепции развития мира характерно предписывание социально-историческому процессу имманентно-трансцендентной логики, предзаданность цели самого процесса и того или иного способа ее достижения. Причем попытки преодоления линейной схемы развития в виде создания цивилизационного подхода (концепции Н.Я. Да-

нилевского [9], О. Шпенглера [10], А. Тойнби [11]) не исключают эсхатологических мотивов, которые просто смещаются от описания конца мира в целом к осмыслению процесса деградации одного замкнутого локального культурного организма.

Стоит сказать о новом типе нерелигиозной философской эсхатологии, появившемся в условиях постсовременного общества и представленным по средствам экологической проблематики. Сейчас, в XXI в., мир накопил множество так называемых глобальных проблем, неразрешение которых может привести к катастрофе, гибели человечества. Это проблемы войны, ядерного оснащения, истощения минеральных и энергетических ресурсов, катастрофического загрязнения окружающей среды, негативных последствий научно-технической революции. Эсхатологические размышления в этом случае играют положительную роль в активизации процесса разрешения представленных проблем. В рамках данного типа эсхатология рассматривается не через оппозицию «реальность–сверхреальность», но в ракурсе самоуничтожения человечества.

Теперь хотелось бы обратиться к русской религиозной философии конца XIX – начала XX вв., в которой наиболее полно отразилась эсхатологическая проблематика. Это было кризисное во всех сферах жизни время, связанное с ощущением приближения гибели существующего общественно-политического строя. Оно было переходным во многих смыслах, являлось концом одной исторической эпохи и началом новой, сменой культурных парадигм, экономических формаций, становлением индустриальной цивилизации. В России оно стало моментом поиска нового самосознания, ибо было ясно, что старые основания культуры исчерпали себя. Тогда стало окончательно понятно, что идеалы прогресса не оправдали себя и нужны какие-то другие основания для дальнейшего существования. В связи с этим в обществе назревала тревога, которая воплотилась в эсхатологических и апокалиптических ожиданиях. Все эти чувства и представления не могли уложиться в рамки науки и позитивного знания. Человек обостренно осознал свою зависимость перед высшими силами и обратился к постановке и решению метафизических проблем.

Вспоминая начало века, Н.А. Бердяев говорил: «Эсхатологизм связан был для меня с тем, что все мне казалось хрупким, люди угрожаемыми смертью, все в истории преходящим и висящим над бездной... Я ясно видел, что в мире происходит не только дехристианизация, но и дегуманизация, потрясение образа человека... Историю я вижу в эсхатологической перспективе» [12. С. 549]. Сам Н.А. Бердяев очень много внимания уделял вопросам историософии, для которой свойственны поиски смысла в истории, конструирование целостной модели исторического процесса, предвидение возможных вариантов развития мира, построение эсхатологических образов будущего.

По мысли философа, смысл существования мира определяется его завершающим этапом. Бердяев пишет: «История мира и история человечества имеет смысл лишь в том случае, если она кончится» [13. С. 274]. В истории без конца «всякое настоящее оказывается средством для будущего. Бесконечный прогресс означает прогресс смерти» [13. С. 274]. «История, поистине, есть драма, имеющая свои акты от первого до последнего, имеющая свое начало, свое внутреннее развитие, свой конец, свой катарсис, свое свершение» [14. С. 23]. Являясь представителем религиозной философии, Н.А. Бердяев показывает важность эсхатологического завершения истории. При этом он призывает человека к активным действиям, к творческому деланию конца. Это возможно на основе возврата к религии, духовного возрождения. Именно в таком случае конец будет означать начало новой жизни. Он говорит: «Идея конца тем и заманчива, тем и прекрасна, что она есть вместе с тем идея начала... и должна не угашать творческую работу, а усилить ее» [15. С. 247].

Смысл любого творческого акта он видит не в увеличении культурных артефактов, но в приближении «конца», в преобразовании мира. «Творческий акт в своей первоначальной чистоте направлен на новую жизнь, новое бытие, новое небо и новую землю» [12. С. 459]. Эсхатологические чаяния должны провоцировать активное отношение человека к миру, в человеческих силах влиять на обновление жизни, на приближение Царствия Божьего. Творчество, не освященное Богом, не сакрально, но носит светский характер, и никогда нет уверенности, что то, что делает человек в этой мирской культуре, оправдывает его в вечности, способствует делу его спасения. Он призывает всех людей к пробуждению творческой активности, к строительству христианского общества, через реализацию религиозного творчества. «Богу совсем не нужны покорные и послушные рабы, вечно трепещущие и эгоистически занятые собою. Богу нужны сыны, свободные и творящие, любящие и дерзновенные» [16. С. 643]. Творчество здесь приобретает эсхатологический мотив. Всякий творческий акт сопровождается наступлением конца этого мира и началом нового.

Но существует и другой путь, путь игнорирования своих духовных порывов, войн, революций, замыкающих людей в рамки несвободы, объективации, вечной бессмысленной жизни. Таков возможный путь, по которому может пойти человечество, если не осознает в себе высшего предназначения, если отвернется о Бога. То есть эсхатологическое завершение истории для Н.А. Бердяева есть необходимое и желанное будущее. Размышляя над современными культурными реалиями, он понимает, что такой конец не скоро осуществится, но он не оставляет надежды на это.

Философия в форме утопии и эсхатологии осуществляет анализ наличной действительности, выявляет ее потенциальные возможности и на этом

основании строит предположения относительно ее возможного будущего развития. В этом заключается функция философии в динамике культуры, имеющей, по выражению В.С. Степина, несколько уровней, обеспечивающих стабильность и развитие культуры. Уровень, отвечающий за культурное развитие, связан с выработкой программ «будущих форм и видов поведения и деятельности, соответствующих будущим ступеням социального развития» [2. С. 215]. Работа философии в сфере построения идеалов будущего социального развития общества, нравственных принципов, часто опережающих свое время – все это примеры будущей деятельности, приводящей к изменению культуры и общества.

При этом утопия выполняет функцию предвидения только в том случае, пока не осуществляется, но существует как альтернативный вариант будущего, потому что в мире осуществленной утопии предвидение как опровержение наличного бытия и конструирование нового прекращает существовать. В таком мире любое социальное творчество оказывается под запретом и утопия вместо прогрессивной функции начинает выполнять консервативную, служить увековечиванию какой-то одной картины мира.

Что касается эсхатологии, то в ней предвидение связано с провиденциализмом, то есть будущее понимается predetermined волей Творца. Но так как о времени конца никто не знает, всегда остается поле для философского прогноза, который рождается в результате рефлексии над современными процессами и улавливанием в них тревожных симптомов возможно близкого или, наоборот, отдаленного конца. Эсхатологическое предвидение, таким образом, несмотря на свою кажущуюся пессимистичность, играет положительную роль в формировании морально-нравственных установок, помогает человеку осмыслить свою жизнь не только с позиции сиюминутных стремлений, но и анализировать возможные результаты своих поступков в будущем.

Можно говорить о том, что утопия и эсхатология, являясь способами критического осмысления наличной действительности, представляют собою формы философского предвидения будущего. Образ будущего связан со спецификой утопии и эсхатологии, имеющих различные ожидания. Так, для утопии характерно стремление к осуществлению идеального будущего, поэтому, отвергаясь от современной действительности, разочаровываясь в существующих идеалах, она на основе рефлексии создает проект, базирующийся на новых предположениях, которые пытаются преодолеть антиномии старого «горизонта ожидания». Эсхатология, так же как и утопия, опирается на критику существующей действительности, но образ будущего для нее всегда катастрофичен.

Таким образом, утопия и эсхатология, основывая свои проекты на базе критики существующего положения дел, ничего не принимают догматиче-

ски, но всегда пытаются подвергнуть сомнению, проверить на истинность устоявшиеся идеалы. Это заставляет не останавливаться на достигнутом, всегда рефлексировать и на основе этого предвидеть будущие изменения и совершенствовать действительность.

Выводы

Утопия и эсхатология представляют собой типы философской рефлексии над основаниями бытия и являются формами философского предвидения будущих изменений. Несмотря на свою во многом

противоположность, они ведут к одному — заставляют размышлять над существующей действительностью и на этом основании осваивать новые модели жизни, ведущие к достижению идеала. Для утопии как рациональной формы полагания смысла истории характерна нацеленность на идеальное существование в пределах исторической реальности. Эсхатология представляет собою христианскую модель истории, имеющей неизбежный конец и предполагающей вечную идеальную жизнь (хотя и не для всех) за пределами исторического времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / отв. ред. В.Н. Садовский; пер. с англ. Д.Г. Лахути. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 384 с.
2. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. — М.: Гардарики, 2006. — 384 с.
3. Ласки М. Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубеж. лит. / пер. с разн. яз.; сост. В.А. Чаликова. — М.: Прогресс, 1991. — С. 170–210.
4. Баталов Э.Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. — М.: Политиздат, 1989. — 319 с.
5. Бердяев Н.А. Новое средневековье (Размышления о судьбе России) // Смысл творчества. — М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — С. 544–627.
6. Калинин И. Утопия, или место, которого... есть // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 1. — С. 206–211.
7. Берлин И. Стремление к идеалу // Вопросы философии. — 2000. — № 5. — С. 51–62.
8. Булгаков С. Апокалиптика и социализм: в 2 т. Т. 2. — М.: Наука, 1993. — 752 с.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 573 с.
10. Шпенглер О. Закат Европы. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. — 1373 с.
11. Тойнби А. Постижение истории. — М.: Прогресс, 1991. — 730 с.
12. Бердяев Н.А. Самопознание // Самопознание. Русская идея. — М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. — 604 с.
13. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Царство Духа и царство Кесаря. — М.: Республика, 1995. — С. 164–288.
14. Бердяев Н.А. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990. — 173 с.
15. Бердяев Н.А. О новом религиозном сознании // О русских классиках. — М.: Высшая школа, 1993. — 368 с.
16. Бердяев Н.А. Спасение и творчество // Смысл творчества. — М.: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — С. 628–654.

Поступила 03.05.2012 г.